

Е.А. Макарова

Томский государственный университет

**«Я каждый день вижу эти сцены...»
(Службная и творческая деятельность Н.И. Наумова
в свете переселенческого дискурса)***

Аннотация: В статье рассматривается последний сибирский период творчества и деятельности сибирского писателя Н.И. Наумова, связанный с его пребыванием в Томске. Основой для анализа послужили документы из архива писателя, хранящиеся в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского университета, во многом впервые введенные в научный оборот, а также цикл очерков, посвященных проблеме русских переселенцев и ее рецепции в русской литературе и культуре второй половины XIX в.

The last Siberian period of creativity and activity of the Siberian writer N.I. Naumov, connected with his stay in Tomsk, is considered in the article. The documents from archive of the writer, stored in the Department of rare books of Scientific Library of Tomsk State University and in many respects for the first time entered in a scientific turn, have served a basis for the analysis, and also a cycle of the sketches, devoted to the problem of the Russian immigrants and its reception in the Russian literature and culture of second half of the XIXth century.

Ключевые слова: Сибирь, областничество, переселенческий дискурс, сибирская литература, очерк, граница, путь.

Siberia, regional, an immigrant discourse, the Siberian literature, a sketch, border, a way.

УДК: 821.161.1 (571.1/5).

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 36. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 534079. E-mail: elena_mak2004@mail.ru.

Николай Иванович Наумов – один из тех сибирских писателей, которому до сегодняшнего дня не воздано заслуженное должное со стороны исследовательской литературы. В критических статьях конца XIX в. творчество писателя практически не рассматривалось с эстетической точки зрения, но исключительно с общественно-социологической его составляющей [Потанин, 1876; Ядринцев, 1892; Богданович, 1897; Плеханов, 1897; Скабичевский, 1897]. В исследованиях советского периода наметилась важная акцентировка на проблеме сибирского опыта в творческом развитии Наумова, но она не определилась как центральная [Горячкина, 1970; Попов, 1967; Постнов, 1982].

Наиболее продуктивной оказалась работа, связанная с материалом архива писателя, хранящегося в Научной библиотеке Томского университета. Впервые к его изучению обратился С.Е. Кожевников в связи с подготовкой новосибирского собрания сочинений Наумова в трех томах. В дальнейшем с архивом работали Н.Ф. Бабушкин и Н.Н. Прозоров [Кожевников, 1938–1940; Бабушкин, 1948; Про-

* Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-64-401 а/Т.

зоров, 1960]. В последние десятилетия наметился явный позитивный поворот в изучении творческого наследия писателя. Современные научные концепции литературоведческого, культурологического, историософского плана, наряду с интересным и убедительным привлечением архивного материала, отличают работы Е.Г. Новиковой и Н.В. Серебренникова [Новикова, 1991, 1994; Серебренников, 2004].

Наша работа продолжилась в русле изучения архива Наумова, что позволило обнаружить следующий ряд неопубликованных ранее текстов и документов, выявляющих специфику уникального метода писателя. В незаконченных рукописных отрывках, письмах, записной книжке писателя постоянно ощущается присутствие живой реальной действительности, в которой проходила его служебная и творческая деятельность. В то же время при изучении архива и опубликованных произведений писателя приходит понимание, что общая характерная незаконченность, обрывочность текстов связана не просто с закономерной нехваткой времени чиновником-Наумовым, но и явным внутренним конфликтом, особо остро проявляющимся в письмах к родным и друзьям. Это связано как с характерным для писателя трагическим мироощущением, так и вечным духовным поиском, задающую определенную ситуацию внутреннего пограничья, ставшей, в конечном счете, и общей трагедией писателя, в полной мере не реализовавшего себя.

Важно помнить, что в свой последний сибирский период жизни и творчества Наумов работал в должности чиновника по крестьянским делам и связан был с такого рода деятельностью, когда он постоянно и вынужденно общался со всеми теми, кто определял специфическую «физиономию» российской колонии: ссыльными, каторжниками, беглыми, разбойниками. Особо значимым для него станет организация быта русских переселенцев. Резкий всплеск интереса к переселенческой проблеме наблюдается уже в последние десятилетия XIX в., когда утверждается ряд законов и в центральных изданиях появляется огромное количество публикаций, посвященных аграрным миграциям в Сибирь. Свой весомый вклад в разработку этой проблемы внес и сибирский писатель Наумов.

Сама судьба Наумова – это, по сути, постоянное пересечение границы и осмысление ее не только в контексте областничества, вечной оппозиции Востока и Запада, но и личного, индивидуального мирозерцания, нахождения своего, особого места в сибирском локусе. Его многочисленные письма друзьям, соратникам по цеху будут наполнены бесконечной тоской по Петербургу, стремлением вырваться из привычной среды, покинуть хоть ненадолго эту «проклятую» Сибирь.

В письмах к А.М. Скабичевскому, связанных с его последним сибирским периодом жизни и творчества, писатель пишет о своей постоянной тоске, старости, нищете. Вместе с тем, несмотря на явную тоску-печаль, он продолжает активно следить за новыми литературными публикациями, соотнося их с собственным служебным опытом. В письме от 4 октября 1886 г. он пишет: «С каким интересом я прочитал “Пестрые письма” Щедрина в сентябрьской книжке «Вестника Европы» – вот это талант! <...> Глубокое впечатление произвел на меня также своей жизненной правдой рассказ, помещенный в той же книге “Вестника Европы”, “Лето среди переселенцев”. Ах, как верно все это схвачено! Я чуть не каждый день вижу эти сцены и потому имею право сказать об них слово, тем более что каждое лето мне, как мировому посреднику, приводится разбирать возникшие между новоселами и старожилами-сибиряками споры о земле и примирять их. Верно, верно... все верно. Обрати внимание на этот рассказ» [ИРЛИ, ф. 283, оп. 1, № 27, лл. 10 об., 11]. В итоге эпитет «верно» становится той высшей похвалой, которой писатель мерит ценность художественного произведения, так как критерий «жизненной правды» для него, безусловно, ведущий.

В переписке с С.Н. Кривенко, известном публицисте-народнике, знакомство с которым у Наумова произошло еще в 70-е гг. в Петербурге, писатель также бу-

дет говорить о тяготах сибирской жизни. Но подкрепляются его жалобы и раздумьями о невыносимой жизни крестьян, с которыми он вынужден иметь дело. Сообщая о своей службе крестьянским чиновником, он пишет о страшных условиях жизни переселенцев, которых наблюдал в мороз, об их выселении из Алтая. Важно, что, благодаря этим впечатлениям, родится рассказ «Картинка с натуры», напечатанный в «Русском богатстве» в августе 1894 г. В письме от 9 сентября 1893 г. Наумов сетует, что не успел рассказ отправить в сборник «В путь-дорогу», создававшийся в помощь голодающим и переселенцам, так как «отняла время сама служба по переселенцам». В то же время добавляет: «Я без похвальбы скажу, что первый поднял вопрос о необходимости подавать переселенцам пособия. <...> А с моей легкой руки из казны стали подавать им подобные пособия сначала одним хлебом, а теперь уже выдают деньгами». В письме от 19 января 1897 г. писатель приглашает и самого Кривенко приехать в Сибирь, чтобы не только погостить, но и «посмотреть на житье-бытье переселенцев и их условия жизни», хотя добавляет, что развилась буквально «мода на переселенческий вопрос» [Сибирские огни, 1969, с. 158, 161].

Как видим, письма Наумова этой поры наполнены не только явной тоской по культурным центрам, но и напряженной работой как в общественном, так и в творческом плане. Глубокий внутренний «пограничный конфликт» писатель во многом снимает своим конкретным социокультурным действием. Более того, в силу своих служебных и писательских пристрастий, он выдвигает на первый план проблему русских переселенцев, которая еще только получает разработку в литературе конца века. В его очерках и рассказах краеведческий материал становится основой для осмысления Сибири как особой области, особого региона. С одной стороны, это намечает путь к явлению сибирского областничества, с другой, очерчивает перспективы, выходящие за рамки узкой концепции, так как ведет к осознанию сибирской истории как органической части истории общерусской.

Если учитывать, что Сибирь всегда была связана с самой печальной темой в литературе и культуре – темой глухоты, неприютности, бродяжничества и, в то же время, постоянного стремления на родину, в «Рассею» – то переселенческая тема сформировала иные мотивы, так же связанные с пересечением границы. Но теперь это уже не вынужденная, а добровольная миграция с Запада на Восток, задающая сюжет поиска и обретения «утраченного рая». История все больше и больше начинает работать на этих границах, где теперь понятие периферии смещается в своем привычном значении. Для областников, в свою очередь, была принципиальна концепция Сибири как края, который, несмотря на свою культурную неразвитость и отсталость, имеет колоссальные возможности духовного роста. Специфика же взгляда Наумова на культурную ситуацию в Сибири выразилась как раз в разработке темы ее отсталости. И здесь сказалось не только характерное для него трагическое мироощущение, но и конкретная служба по крестьянским делам, выявляющая печальные картины общего состояния края. На фоне общего изображения чиновничьего произвола, Наумов, сам будучи чиновником, показывает его нередкое бессилие против общей бездушной системы. «Это какая-то поголовная оргия хищничества, – пишет он Скабичевскому. Хищничество, возведенное в закон» [Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 393]. В описании Сибири, ее громадных пространств у писателя всегда доминирует мысль о судьбе отдельного человека, обживающего этот «дикий край», о его страданиях и надеждах.

Необычайно важна в этом плане жанрово-родовая специфика воплощения темы. В свое время, в 1876 году в газете «Сибирь», была опубликована статья-рецензия Г.Н. Потанина «Роман и рассказ в Сибири». Проблему жанра критик, в силу своего мирозерцания, решает в определенном социокультурном плане, исходя из того, что жанр романа тесно связан с дворянской культурой и поэтому не адекватен Сибири. С учетом же реального социального состава края, по мысли

Потанина, «беллетристика в Сибири могла начаться только рассказом из народной жизни» [Литературное наследие Сибири, 1980, с. 231]. Не случайно, анализируя творчество сибирских писателей И. Оммулевского, И. Куцевского, Н. Наумова, критик явное предпочтение отдает последнему.

Несомненно, что особенности нарратива, стратегии межкультурного диалога в текстах Наумова связаны с его личным опытом и сибирским материалом, задающим самую разнообразную жанрово-нарративную природу произведений. Но если учитывать, что многое может дать взаимодействие жанров, чьи контуры пересекаются в пределах одного произведения, то преобладающее место в творчестве Наумова занимает очерк, позиционируемый как некий универсальный в плане содержания жанр, размывающий границу между художественным и документальным письмом. Основная тема его произведений – жизнь народа в многообразных ее проявлениях, изображение пестрого люда, крестьян, купцов, обозников, переселенцев, пустившихся в путь по России. Практически все сюжеты очерков писателя связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Такого рода ракурс видения проблем, где все движется, развивается, изменяется, не получив завершенную форму, задает и специфику жанра, выраженную в характерных подзаголовках: «сцены», «психологический этюд», «истинное происшествие», «бытовые наброски», «очерк из сибирских нравов». По рукописным архивным источникам, сохранившимся в ходе работы писателя над очерком «Эскизы без теней», обнаруживаются различные варианты его подзаголовков, выявляющие скрупулезный поиск адекватной формулы уже на уровне номинации: «Из жизни сибирского крестьянства», «Из записок невольного туриста», «Дневник невольного туриста», «Из дневника невольного туриста», «Сцены из жизни темного люда», «Картинки обыденной жизни темного люда» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 15–17]. В итоге понимание писателем особенностей современной Сибири приводит к отказу от традиционного жанра рассказа, о чем он пишет в 1896 г. в одном из писем к Скабичевскому: «Ведь, как, например, хорошо знакомо мне положение переселенцев. <...> Но никак те картины, которые я видел, не укладываются в рассказ, а именно только в те сцены, в тот род, который, как ты говоришь, совсем не идет мне» [ИРЛИ, ф. 283, оп. 1, № 27, л. 33].

Его обращение к «картинке», «сцене», «наброску» представляется наиболее адекватным той «бродящей», «сдвинувшейся» с места Сибири, которую он наблюдает и точным писательским взглядом, и по каждодневному долгу службы. В результате перед нами предстает не просто цикл очерков человеческих судеб, а многоголосый и разноязыкий диалог, переходящий в своеобразный полилог – все то, что уже можно назвать «говорящей Сибирью».

Одним из первых произведений Наумова, связанных с проблемой русских переселенцев, будет очерк «Роковая встреча» (1883), написанный еще в Петербурге и опубликованный в №№ 15, 21 «Восточного обозрения». Произведение мало переиздавалось, поэтому относится к числу малоизвестных текстов писателя. Между тем в нем затронут чрезвычайно важный и больной для Сибири вопрос – бродяжество и разбой. И встреча переселенцев с бродячим разбойником в очерке Наумова станет действительно роковой.

Следующий же очерк «Картинка с натуры» (в рукописной редакции с подзаголовком «По переселенцам») Наумов создает уже в Сибири в 1893 г. В нем еще более очевидна типологическая составляющая жанра очерка, так как из самого сюжета выявляется, как личные впечатления, наблюдения и раздумья чиновника-Наумова буквально «прорастают» в ткань художественного текста. И постоянный лейтмотив его писем – «Я чуть не каждый день вижу эти сцены» – закономерно выливается в другой: «Ах, если б было время писать!» Автограф очерка хранится в томском архиве писателя и демонстрирует напряженную работу над текстом, что выражено в многочисленных следах правки, подчеркиваний, помет на полях

[ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 19]. В произведении, как мы подчеркнули, уже напрямую отразились личные впечатления сибирского служебного опыта Наумова.

В «Картинках с натуры» мы видим прямое действие автора, представляющего позицию писателя-народника, его момент «борьбы» за судьбы переселенческого движения. Художественное единство очерка создается, прежде всего, за счет образа рассказчика-чиновника, который сначала знакомится с положением дел в переселенческом поселке, а затем, опираясь на этот материал, высказывает общие соображения об улучшении участи прибывающих в Сибирь крестьян. Вследствие этого все больше выявляется нарративная специфика сибирских текстов писателя, для которых характерна двухчастная структура: сначала подается определенная «зарисовка», «сценка», «картинка с натуры», а затем следует авторская рефлексия, уже практически размывающая грань между образом повествователя и «чиновником по крестьянским делам» – Николаем Ивановичем Наумовым. Не случайно монологическая форма повествования, сохранившаяся в рукописных вариантах очерка, сменяется в окончательной редакции текста активным диалогом.

В такой организации текста проявляется характерная и принципиальная позиция Наумова: в последний сибирский период его отношение к литературному творчеству воспринимается как закономерное и органичное продолжение служебной и общественной деятельности. Для него помощь переселенцам крестьянским чиновником, участие писателя в благотворительном сборнике в пользу переселенцев, наконец, создание произведения о них – явления одного порядка, объединенные и уравненные ценностными ориентациями народника второй половины XIX в. Отсюда проявляется и специфика жанровой позиции писателя, который ищет форму адекватную содержанию. В письме к Кривенко он сообщает: «Вообще о своих литературных занятиях могу сказать одно, что я растерялся в той массе материала, каким обладаю, и не знаю, за что взяться и в какие рамки что уложить. <...> Думаю, что лучше всего писать *небольшие картинки* из народной жизни, захватывая ту или другую сторону ее». И далее уточняет: «О, Боже мой, *да каких, каких картинок* не посмотрелся я, ну как их уместить, в какую рамку!» (курсив мой. – Е.М.) [Неизвестные письма, 1969, с. 159–160, 162].

Не случайно подобного рода «картинки с натуры», «этюды», «сценки» он рисует не только в художественных текстах, но и в письмах друзьям. К примеру, в ответ на письмо Н.М. Ядринцева о публикациях «Восточного обозрения» по поводу ссыльных крестьян Наумов дает свои «зарисовки» крестьянского быта, но говорит еще и о тяжелых условиях чиновников, сельских писарей – всех тех, кто тоже тянет эту невыносимую лямку: «Возможно ли еще истинно интеллигентному и честному человеку служить при таких условиях, какими обставлены крестьянские чиновники?» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 112, л. 2]. И с такими чиновниками он имеет дело постоянно.

В архиве писателя хранятся неопубликованные письма к Наумову исполняющего должность начальника Алтайского округа В.К. Болдырева, в которых прослеживается вся напряженная и рутинная чиновничья работа. В письме от 8 октября 1892 г. из Барнаула Болдырев сетует, что «ежедневно поступает и выходит масса бумаг, поэтому большую часть времени приходится проводить в канцелярии». Но уже в следующем письме сообщает Наумову, что «в течение этой зимы мне удалось объездить весь округ; посетить все рудники и заводы, даже пробраться в бочатские каменноугольные копи» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 121, лл. 1 об., 8]. Из писем Болдырева очевидно, что он ценит Наумова не только как чиновника, но и как человека творческого. В новогоднем письме-поздравлении от 30 декабря 1892 г. он делает характерную приписку: «Чтобы в будущем году шевельнули Вашим пером общественную мысль. Не забывайте «Алтайского сборника». А 2 июня 1897 г. благодарит его за присылку собрания сочинений, «который прочел с большим интересом», но тут же добавляет: «Усердно прошу вас про-

должать наблюдение за действием томской казенной Палаты по причислению переселенцев» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 121, лл. 4, 14].

Интересны в этом плане и письма чиновника А. Розанова, производителя работ по устройству переселенческих участков в Западной Сибири. В одном из них он обращается с просьбой к Наумову разобраться в жалобе и проверить факты по отношению к Шумдатскому переселенческому обществу [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 51], в другом сообщает, что пишет из села Тарское Седельниковского урмана, где изучает проблемы быта кержаков-переселенцев. В письме от 19 декабря 1893 г. из Петербурга Розанов советуется с Наумовым по поводу составления «Положения о поземельном устройстве крестьян-переселенцев, горнозаводских людей, инородцев, казаков, горожан и духовенства Алтайского округа» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 51, лл. 5, 10]. В августе же, находясь на службе по кабинету уже в Барнауле у В.К. Болдырева, он сообщает об отправке в Томск документально-уведомления о том, что «в Казенной Палате послан запрос почти о двух тысячах душ переселенцев, давно не перечисляемых Палатою». В письме от 5 сентября 1896 г. Розанов просит Наумова достать ему книгу «Список населенных мест Томской губернии», официальное издание 50–60-х гг. Министерства внутренних дел, так как «Василий Ксенофонович (Болдырев – *Е.М.*) поручил мне написать историю колонизации Алтая с древнейших времен» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 51, лл. 22 об., 25 об.]. В итоге сама сибирская реальность формировала подобного рода чиновников, каждодневно имеющих дело с казенной рутинной, но и постоянно накапливающих знание, практический опыт.

Г.И. Успенский, будучи в конце 1880-х гг. в Сибири и занимаясь проблемой русских переселенцев, оценил эту напряженную чиновничью работу, связанную с тяжелым неблагодарным трудом наряду с глубоким погружением во все детали крестьянской жизни. В письме Наумову на обратном пути из Томска он просит прислать ему «что-нибудь по домашним семейным делам сибирских крестьян» и добавляет: «Не может ли г-н Розанов (пожалуйста, передайте ему мой поклон и крепко его обнимите) написать мне несколько сцен, анекдотов и отдать их в мое распоряжение, – где бы видна была гордость сибирского мужика. Он так отлично его знает. Мне же нужны эти черты. Он рассказывал, как сибиряк отвечает нашему мужику» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 181, л. 2].

Как видим, деятельность Наумова в последний сибирский период, подобно деятельности его современников, П.И. Макушина, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других, носит типичный культуртрегерский характер. Он одновременно совмещает писательское творчество и службу чиновника по крестьянским делам, корреспондента центральных и местных изданий вкупе с популяризацией современных научных взглядов. Принципиальной в этом плане является народническая позиция писателя при актуализации всего его теоретического и практического опыта. Проблема самопознания, на которой сосредоточилась молодая сибирская культура конца века, прежде всего, требовала нового самобытного материала, который необходимо было накопить. И писатель понимает, что он подчас ценнее художественного, так как фиксирует всю ту подвижную, разнообразную и зыбкую действительность, изображение которой, так или иначе, ведет к размыванию привычных жанров и границ.

Эстетика Наумова базируется на методологии позитивизма, поэтому в ней крайне важной становится проблема материала, а также вопрос о том, как его «внедрить» в художественную ткань текста. В архиве писателя хранятся черновик и беловая копия письма от 7 февраля 1895 г., приложенного к очерку «Эскизы без теней», отсылаемым им в редакцию «Недели». В письме Наумов обращается к редактору-издателю В.П. Гайдебурову с характерным комментарием: «Посылаемая статья суть начало обширного предпринятого мною труда. В течение десятилетней службы крестьянским чиновником я ежедневно набрасывал по свежим впечатлениям все то, что доводилось мне подмечать, слышать при разбирательст-

вах по просьбам и словесным заявлениям, какие приводилось производить мне. Теперь, обрабатывая настоящий материал, я держусь того же порядка, в каком он записан мной, выбирая из него только более характерные сцены и явления. Если Вы пожелаете, то я могу помещать на страницах журнала две или три главы в год и даже более, если Вы признаете это удобным» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп. 1, д. 100, л. 1].

В итоге для писателя одной из самых принципиальных и трудно разрешимой проблемой становится проблема жанра. Показательно, что на первом этапе своего развития, он нашел, казалось бы, наиболее адекватный для своих сюжетов жанр, организующий его многочисленные очерки и рассказы в некое художественное единство, – жанр сборника. В 70–80-е гг. с определенной последовательностью выходят его известные сборники, представляющие мир крестьянской провинции: «Сила солону ломит», «В тихом омуте», «В забытом краю». Но ориентация на живой голос крестьянина приводит постепенно к формированию уже иной жанровой единицы – очерка, который, в свою очередь, разбивается на «картинки», «этюды», «зарисовки».

В архиве писателя имеется третий неопубликованный вариант художественного воплощения темы русских переселенцев – черновой набросок очерка «По новоселам» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп.1, д. 31]. Характерен уже сам уровень номинации. «Картинкам с натуры» в рукописном варианте Наумов дает подзаголовок «По переселенцам», следующий текст называет «По новоселам», по сути, демонстрируя общий характер служебного задания, командировки, вылившийся в очередную творческую рефлексию. В сохранившихся отрывках писатель, судя по всему, намеревался осветить больной в те времена в Сибири вопрос о взаимоотношениях старожилов и новоселов в борьбе за землю. Очерк выстраивается по привычной для наумовских текстов схеме: поначалу следует какая-либо случайная встреча, затем – рассказ знакомого о сути конфликта, а в завершении – резюме автора-повествователя.

В центре повествования Наумов предполагал изобразить богатого крестьянина-старожила Рогожина, представляющего уже новый сибирский вариант крестьянина-кулака: «Человек он был крупно зажиточный и, по мере возрастания благосостояния, у него возрастали и процессы с крестьянами соседних деревень о потраве лугов, пашен, о порче лошадей и т.п. Особенно много причиняли ему «вредительства», как выражался он, переселенцы, появившиеся вблизи его заимки» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп.1, д. 31, л. 2]. В черновике набросан небольшой, но крайне показательный диалог, выявляющий попытку разрешения вечного конфликта и признания силы и мощи «новоселов», перед которыми вынуждены сдаваться даже самые талантливые сибирские старожилы.

Во всех этих текстах ощущается, что симпатии и автора и самого писателя-чиновника Наумова на стороне переселенцев. Писатель, демонстрирующий явные народнические установки, приветствует умение русского человека преодолеть границу, не просто внедриться в чужое пространство, но и ассимилировать его под себя, придать ему новые качественные смыслы. В итоге повествователь реализует идею общественного договора между различными классами русского общества и тем самым воплощает мысль о бескровном примирении конфликтующих сторон. Несомненно, что лаконизм писательских образов, ограниченность в словесном выражении однотипными репликами связаны не со «скудостью таланта», по выражению одного из критиков, а с глубоко трагической концепцией жизни, когда вечные «проклятые вопросы» невозможно решить по закону.

Рукописный отрывок очерка «По новоселам», тем не менее, остался неопубликованным и не вошел в первое прижизненное собрание сочинений Наумова. И из ряда предположений о причинах неудавшейся судьбы произведения наиболее точной представляется мысль Е.Г. Новиковой о том, что, скорее всего, «поиск адекватной жанровой формы, вытекающий из сложной, хаотичной, еще не обрет-

шей «кристаллических» форм самой сибирской жизни, стал препятствием на пути к воплощению текста» [Новикова, 1991, с. 154]. Вследствие этого все более выявляется, что в поздний период своего творчества для писателя становится важнее не «эстетизация» материала, а сам этот материал, организованный по принципу «дневника», «заметки», «наброска» – всех тех жанров, которые относятся, по терминологии Л.Я. Гинзбург, к разряду «промежуточных».

Интересны в этом плане письма Наумова жене, Татьяне Христофоровне, которые он присылает из очередной экспедиции в горах летом 1898 года. В них он рассказывает о своей работе в специальной комиссии, выехавшей на Алтай для разрешения конфликта, возникшего между переселенцами и сибирским казачеством. Ответные письма он просит присылать по конкретному адресу: г. Усть-Каменогорск, в Станичное правление для отсылки на Бийскую казачью линию по месту нахождения Высочайше утвержденной Комиссии по отводу земель казакам Бийской линии. Важно, что, даже в достаточно преклонном возрасте, Наумов продолжает находиться в центре решения важнейших социальных проблем. По окончании занятий Комиссии, уже из Верр-Алейска, он сообщает с гордостью жене в письме от 21 августа: «Объявлено Высочайшее повеление о наделении казаков земель, разрешены их споры с крестьянами и установлены границы землепользования» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп.1, д. 99, л. 5].

Подобного рода экспедиции для него связаны не только с трудностями морального и физического плана, но и отдохновением от привычной чиновничьей рутины. И в этом тоже видится попытка преодоления вечного внутреннего конфликта. Постоянная тоска по Петербургу, но и понимание того, что только здесь, в Сибири он может по-настоящему реализовать свою гражданскую и писательскую миссию, не приглушает, при всем при этом, той печальной ноты, которая пронизывает его письма. Пожалуй, только мир природы помогает преодолеть конфликт, почувствовать иной мир – мир красоты и непознанной тайны, живущий по своим особым законам.

В письме Наумова жене из экспедиции от 7 августа 1898 г. сообщается о приезде к нему в гости знакомого, врача Тронова. Описывая прогулки с ним по горам Алтая, он переходит к картинам природы: «Ходили мы гулять и любовались горами Тигерекского хребта, высота которого шесть тысяч футов. Особенно хорошо был вид белков при закате солнца, а также гольцов, т.е. тех гор, на которых трава и лес растут только до половины, а далее холода и скалы делают их бесплодными. <...> В двадцати верстах от Тигерска находятся Яшмовые каменоломни в верстах пятнадцати, так называемая работная гора, чрезвычайно высокая сопка, усеянная пещерами, из которых слагают огромные глыбы горного хрусталя, и белого, и розового. <...> В самом Тигерске есть крайне высокая гора, вершина которой представляет скалу и маленькую фигуру лежащего льва, она так и называется «лев-гора» и замечательна тем, что перед бурями начинает гудеть и грохотать наподобие залпов из пушек, почему казаки говорят: “Ну... лев зарычал, быть буре”. А бури здесь бывают ужасные» [ОРК НБ ТГУ, ф. 2, оп.1, д. 99, л. 4]. Как известно, мысль человека сорождается вместе с ландшафтом, и для самого писателя Сибирь с ее неповторимой величественной природой предстает подчас уже в неких космических, онтологических смыслах, где граница становится знаком и символом отомкнутости, открытости.

Постигая историю Сибири в пространственных категориях, сибирские писатели и областники определяли место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой предстоит новая роль и новые задачи. В результате колонизации Сибири сложился новый социокультурный мир, который был свободен, не замкнут в себе, который постоянно принимал приток нового населения переселенцев и ссыльных, во многом изменяющих нравы. Сибирь к концу XIX века рассматривалась писателями-регионалистами как принципиальное географическое, натуралистически-антропологическое пространство

России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления. С точки зрения фронтальной ситуации, она все больше приобретала черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько сближала внутреннее и внешнее пространство. Сама колонизация была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление культурной дистанции. Не случайно к этому времени на первый план выдвигается проблема русских переселенцев, так как российский колонизационный дискурс уже с середины XIX в. осложнился пересечением понятий «переселение» и «колонизация».

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что, с одной стороны, сам материал опубликованного и рукописного наследия Наумова показал очевидность его принципиального вклада в областническую идею. С другой, обнаружил, что мирозерцание писателя явно выламывалось из жестких рамок узкой концепции. Дискурс о переселенчестве, сформированный в творчестве писателя, показал свою широту и самостоятельность, так как данная проблема уже ассимилировалась с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Закономерно, что формирование писателей-регионалистов сопровождалось и значимыми явлениями в русско-европейской литературе, где общими становились как явные народнические установки, выразившиеся в творчестве позднего Лескова, Успенского, Короленко, так и несомненный поворот их творческих интересов на Восток, в сторону Сибири. Сибирская же литература, в свою очередь, все чаще обращалась к проблеме «местного самосознания», поискам некоей общей «идеи», обуславливающей своеобразие регионального литературного процесса, что проявилось в служебной и творческой деятельности Наумова.

Литература

- Бабушкин Н.Ф. Речь писателя Н.И. Наумова в день 300-летия покорения Сибири. Публ. Н.Ф. Бабушкина // Томск. Альманах. Вып. 3. Томск, 1948. С. 114.
[Богданович А.И.] Критические заметки // Мир Божий. 1897. № 2.
Горячкина М.С. Художественная проза народничества. М., 1970.
ИРЛИ, архив А.М. Скабичевского, ф. 283, оп. 1, № 27. 22 письма Н.И. Наумова к А.М. Скабичевскому 1881–1899 гг.
Кожевников С.Е. Комментарии // Наумов Н.И. Собр. соч.: В 3 т. Новосибирск, 1938–1940. Т. 3. Новосибирск, 1940. С. 397–410.
Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980.
Неизвестные письма Н.И. Наумова / Публикация, вступит. статья и примечания Н. Якушина // Сибирские огни. 1969. № 3.
Новикова Е.Г. Жанровая специфика поздних произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы. Статья первая. «Картинка с натуры» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17. С. 132–156.
Новикова Е.Г. Жанровая специфика поздних произведений Н.И. Наумова и некоторые проблемы сибирской литературы (Статья вторая. «Эскизы без теней») // Проблемы метода и жанра. Томск, 1994. Вып. 18. С. 208–221.
Отдел редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРК НБ ТГУ). Ф. 2, оп. 1. Архив Н.И. Наумова.
Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1.
Плеханов Г.В. (Каменский Н.). Н.И. Наумов // Новое слово. 1897. № 5.
Попов И.Г. Жизнь и творчество Н.И. Наумова. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.
Постнов Ю.С. Н.И. Наумов // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Новосибирск, 1982. Т. 1.

Потанин Г.Н. Роман и рассказ в Сибири // Сибирь. 1876. № 40, 44, 51 (Под псевдонимом «Авесов»); № 298.

Прозоров Н.Н. Н.И. Наумов в 60–70-е годы XIX в. // Ученые записки Енисейск. пед. ин-та. 1960. Вып. 4. С. 149–154.

Серебrenников Н.В. Н.И. Наумов: неоправдавшаяся надежда // Серебrenников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. С. 175–183.

Ядринцев Н.М. Н.И. Наумов // Русские ведомости. 1892.